

ОН ФОКУСНИК и волшебник одновременно. Он умеет быть интересным в неинтересной роли, потому что может быть на сцене просто Водяным, а это само по себе увлекательно и смешно, это приводит зрителя в состояние радостного, напряженного ожидания. В этом — «фокус» его мастерства, тайна артистизма. Самое удивительное при этом, что Михаил Водяной на сцене и в жизни — не совпадающие понятия. Водяной себя на сцене не играет, хотя в каждой роли просвечивает его сценическое «я». Он совсем не прост и уж во всяком случае не дает себя легко разгадать, иначе не был бы он так популярен. Не встал бы в ряд самых больших комиков наших дней.

Водяной начинал свой путь в оперетте с веселой буффонады. Он «буффонил» и пародировал с блеском, шиком, бравурной стремительностью, ошеломляющей легкостью. Он высмеивал свой персонаж и заставлял любоваться собой — актером. Его искусство тех дней было сродни искусству французского шансонье Мориса Шевалье. Потом на сцену пришел другой Водяной. Расширился круг тем и образов, значительно стали обобщения. Комик Водяной стал актером широкого амплуа, а по существу, он характерный актер без амплуа — для современной оперетты это весьма существенная особенность. Но, пожалуй, самый главный удар по обветшалым канонам опереточности он нанес своим репертуаром: он комик, переигравший всех традиционных комических персонажей старой оперетты, прославился в ролях современных.

Вместе с тем Водяной всегда говорит со зрителем на языке подлинного искусства оперетты, использует все богатство его выразительных средств, его эффектную броскость, стремительный напор, бравурность ритмов, остроту контрастов.

Когда он с Е. Дембской в «Белой акации» И. Дунаевского танцевал и пел куплет: «Хотите, буду нежным...», это был парад блестящего мастерства, виртуозной пластики. Его Яшка «Буксир» — наивный и наглый «лев» одесских бульваров, любитель сладкой жизни и легкой наживы, образ как бы «настоян» на аромате акаций, воздухе и солнце портового города. Но при всей экзотичности облика героя, его словесной и пластической колоритности — это не просто шалопай и авантюрист. Для Водяного это символ потребительского отношения к жизни вообще, ненависти для самого актера страсти к легкой, бездельной жизни. Поэтому он так безжалостен к своему герою, поэтому таким жалким и ничтожным выглядит этот Яшка при встрече с «Нептуном». Горе-орьяк только на берегу чувствует себя уверенно и прочно, он — втируша на флоте — вот что играет в этой роли Водяной. Серьезно и сосредоточенно работая над каждым новым спектаклем, тщательно продумывая все сценические положения, придумывая для каждой роли свои актерские приемы, штрихи, характерные черточки, он потом выходит на сцену, играет легко, весело, заразительно, как бы смеясь и шутя, с той импровизационной раскованностью, которая порой нас, зрителей, сбивает с толку. Иной раз кажется, что шутит, балагурит сам Водяной — пересмешишь в малиновом в крапинку пиджаке, в надвинутой на брови фуражке... Сбивает с толку и то, что в каждом спектакле он как бы притворяется какой-то тайный «клапан» роли, показывая зрителям себя самого — актера, не слившегося с образом, с персонажем.

Острая театральность и романтическое начало — главные краски образа Дулиттла из мюзикла «Моя прекрасная леди». Знаменитый персонаж Бернарда Шоу вышел на музыкальную сцену, напевая и пританцовывая, и при этом сохранил всю свою философичность. Михаил Водяной додумывает сцену, в которой мусорщик Альфред Дулиттл произносит речь о своем страхе стать буржуа. У Дулиттла — Водяного — это двойная пародия. С лукавым блеском глаз он разыгрывает перед профессором Хиггинсом целый спектакль. Застейливо модулируя голосом, выводя им замысловатые речевые рулады, Дулиттл передразнивает ораторские интонации то английского спикера, то пастора — проповедника. При этом он достает из кармана и ставит рядом с собой... бутылку спиртного. Однако все это не мешает Водяному рассказать о том, что шутник, зубоскал и циник Дулиттл еще и романтик, что сытый буржуазной добропорядочности он предпочитает неуютный мир босяков-люмпенов с их нечаянными радостями, «если повезет чуть-чуть...»

Романтическая тема в творчестве Михаила Водяного не имеет традиционных поэтических очертаний, комедийно-сатирической направленности дарования актера придает его романтизму

люди искусства

СМЕХ, ФАНТАЗИЯ, МЫСЛЬ...

Н. АРКИНА, Л. ЖУКОВА

свою специфическую «конфигурацию». Даже в сугубо положительной роли капитана Гаркуши в спектакле «У родного причала» эта тема пропущена сквозь шутливую интонацию, комизм ситуаций. А его Андрей из оперетты «Четверо с улицы Жанны» — разве это не романтическая фигура — смелый организатор партизанского подполья, он же галантный парикмахер, рассыпающий шутки, лихие куплеты, он же смешной дьячок, он же беспашаный завсета базара.

На сцене Михаил Водяной живет в своем особом ритме, создающем вокруг его героев что-то вроде напряженного магнитного поля. Кажется, в нем самом сидит волшебная, туго сжатая пружинка, о которой зритель догадывается и потому все время нацелу: вот сейчас она звякнет, рванет — и все полетит кувырком... И она в самом деле щелкает, звенит, выделяет «коленца». Причем случается это не только в броские, эффектные моменты действия, когда у актера есть куплет или канкан. Нет, Водяной может просто пройти по сцене победным шагом и бросить в зал: «Мое почтение!»

Это «антре» Мишки Япончика из оперетты О. Сандлера «На рассвете». Много лет играет Водяной эту роль. Ощущение даже такое, что образ этот живет в многосерийном фильме, и зритель смотрит все новые похождения авантюриста — налетчика с его немилыми усиками и жилетами, револьверами и телохранителями, с его неповторимым портовым лексиконом. Япончик Водяного — не только аферист, глава бандитской шайки, но и лицедей, комедиант, выстраивающий из своих бандитских налетов эффектистские спектакли. Отсюда картинность поз, жестов, репризность, эстрадная броскость его реплик, отсюда этот великолепный выход премьера оперетты в начале спектакля. Все это рисует характер, рожденный конкретными событиями, политической ситуацией. Водяной неуловимо ведет своего героя от апогея его шальной славы к полному краху, падению. С остротой карикатуриста, заразительно весело лепит он гротесковую фигуру «бонапартика, с Молдаванки», рожденного смутным временем интервенции в Одессе.

В бударе Веры Холодной Япончик — сердцеед, герой-любовник, предлагающий королеве экрана руку и сердце. Возвышенная лирика только что светлого актрисой романса, воздушные шелка ее наряда, весь ее томный, утонченный облик, и вдруг — деловитое красноречие Япончика, подкрепляющего свой любовный пыл пулеметом, спрятанным под роялем. Водяной не боится подобных буффонных ситуаций, напротив, самый чудовищный ералаш — для него родная стихия эксцентрического.

«Буффонит» Водяной и в сцене бегства белых. Здесь вместе со своей неизменной партнершей Маргаритой Деминой он поет ставшие популярными куплеты о веселой канарейке. Какая насмешка и гротеск — этот кабретный каскад Мишки Япончика и мадам Энно. Гибель иллюзий, крах мира, в котором оба хотели преуспеть, — все это вылилось в отчаянный пляс, залихватский напев. Водяной и Демина в этой сцене убедительно доказывают, что оперетта своими соб-

ственными средствами способна достигнуть высот трагикомедии.

Последнюю свою сцену в этом спектакле Водяной дополняет штрихом, придуманным им самим: разоблаченный налетчик уходит под конвоем, напевая музыкальную фразу из шопеновского траурного марша... Здесь все смешно, броско, вместе с тем точно, конкретно, а потому достоверно. И так всегда у Водяного: за характерностью всегда встает характер, за буффонадой, трюком — острая мысль.

Ему еще и повезло: он встретил режиссера, с которым создал большинство своих ролей, который помог ему понять, осмыслить самого себя. М. Оперовский, главный режиссер одесской оперетты, принес на опереточную сцену графическую точность сценического рисунка, остроту гиперболы и углубленный психологизм. Этими качествами отмечены такие роли Водяного, как Галушка и Санчо Панса. Один — из оперетты «Кому улыбаются звезды» (поставленной по пьесе А. Корнейчука «В степях Украины»), другой — из мюзикла «Человек из Ламанчи».

Наивный, перекормленный, почивший на лаврах Галушка с его мечтой чуть ли не маниловского размаха о вселенском покое вдруг оборачивается у Водяного совсем иным своим обликом — алчным стяжателя и хвата.

А вот он, «выпеченный из грубой муки», верный оруженосец Рыцаря печального образа, Водяной — Санчо. Почти без грима выходит актер на сцену, и зрителю сразу понятно, что на этот раз не будет привычных шлягерных пританцовок, не будет пластической феерии, не будет открытого общения со зрителем, а будет что-то иное — очень важное и новое. И пусть сам Санчо шутит, сыплет афоризмами, на этот раз актера Водяного влечет другое. Он, как и его герой, верит в способность покорить самого прозаического человека силой высокой духовности. В финале, в сцене смерти Дон Кихота, Санчо — Водяной плачет, плачет настоящими слезами.

После ироничного, трагикомического Санчо актер снова в стихии безудержного смеха, шуток, реприз. В оперетте «Русский секрет» (поставленной по повести Лескова «Левша», музыка В. Дмитриева) он с озорным весельем лепит нарочито буффорскую фигуру царя — глупого, надутого, сердитого. Неумолимый пересмешишь, Водяной и здесь добивается до самого существа явления — исторического, социального, психологического.

Говорят, что многие комики в жизни — чересчур серьезные, даже мрачные люди. Михаил Водяной просто серьезный человек. И в то же время веселый. И очень занятой человек. Помимо работы в Одесском театре музыкальной комедии, где он очень загружен, он ведет большую общественную работу: он член партийного бюро театра, председатель областного отделения Украинского театрального общества. Свободного времени у него мало. А то, что есть, поглощают эстрада, съемки в кино. И все-таки, когда оно выпадает, это совсем свободное время, Михаил Григорьевич Водяной любит весело его провести, любит шутку, смех.

Фото М. Драновского и И. Невелева.